

**ДИСКУССИЯ О РУССКОМ ВИДЕ
КАК ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНОГО
VS КЛАССИФИЦИРУЮЩЕГО
VS СМЕШАННОГО ТИПА
И ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ
ПЕРФЕКТИВНЫХ СПОСОБОВ ДЕЙСТВИЯ**

Е. В. Горбова

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
elena-gorbova@yandex.ru, egorbova@herzen.spb.ru

Аннотация. В статье обсуждаются возможности имперфективации перфективных способов действия (СД) русского глагола на фоне множественности трактовок вида в рамках типологии грамматических категорий, учитывающей статус (лексема или словоформа) противопоставленных носителей грамматических значений. Взятый из литературы перечень морфемно характеризованных перфективных СД обсуждается со стороны возможности их имперфективации, а имперфективных — со стороны их соотносительности с перфективными при условии наличия того же префикса. Тестируется несколько гипотез: о видовой соотносительности однокоренных глаголов делимитативного и прерывисто-смягчительного СД, префигированных *но-* (*посидеть* — *посиживать*); о видовой соотносительности аттенуативного и прерывисто-смягчительного СД с *под-* и *при-* (*подзабыть* — *подзабывать*, *призадуматься* — *призадумываться*); о более широкой, чем принято считать, имперфективируемости пердуративного СД с префиксом *про-* (не только трех глаголов ‘положения в пространстве’ — *просидеть*, *пролежать*, *простоять*); об исключительном по отношению к имперфективации положении семельфактивов среди прочих перфективов как единственного способа действия, имеющего суффиксальный показатель (*-ну-*, *-ану-*) и не способного к суффиксальной имперфективации. Анализ языкового материала, полученного из НКРЯ и русскоязычного интернета, позволяет уточнить требования к перфективам, членам

морфемно характеризованных способов действия, поступающим на вход имперфективации и тем самым как дополнительно аргументировать словоизменительную трактовку вида, так и поставить под сомнение необходимость «смешанной» трактовки русского вида как непоследовательно коррелятивной категории.

Ключевые слова: русский глагол, русский вид, грамматическая категория, типология грамматических категорий, дискуссия, перфективные способы действия, пердуратив, делимитатив, семельфактив, имперфективация.

Russian verb aspect as inflectional vs. classifying vs. mixed type grammatical category and the imperfectivation of perfective Aktionsarten

E. V. Gorbova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
elena-gorbova@yandex.ru; egorbova@herzen.spb.ru

Abstract. The article discusses possibilities for perfective Aktionsarten (modes of action) imperfectivation against a background of numerous approaches to Russian aspect description proposed by grammatical category typologies that differ in viewing aspect as a classifying vs. inflectional vs. mixed type category, and aspectual counterparts with the same lexical meaning as separate lexemes vs. inflectional forms of the same lexeme. A list of morphemically characterized perfective Aktionsarten gleaned from the literature is discussed with respect to the possibility of their imperfectivation, and a list of imperfective Aktionsarten, with respect to their correlation with perfective Aktionsarten marked with the same prefixes. Several hypotheses are tested, including: on the aspectual correlation of same-root delimitatives and intermittent-attenuatives with the prefix *po-* (*posidet*^{PFV} — *posizhivat*^{IPFV}); on the aspectual correlation of attenuatives and intermittent-attenuatives with the prefixes *pod-* and *pri-* (*podzabyt*^{PFV} — *podzabyvat*^{IPFV}, *prizadumatsya*^{PFV} — *prizadumyvatsya*^{IPFV}); on a broader, than previously thought, imperfectivability of perduratives with the prefix *pro-* (which is not only restricted to the three position verbs — *prosidet*, *prolezhat*, *prostoyat*); and on the exceptional position of semelfactives in relation to imperfectivation among other perfectives as the only Aktionsart that has a suffix marker (*-nu-*, *-anu-*)

and is therefore incapable of suffixal imperfectivation. My analysis of the material obtained from the Russian National Corpus and Runet makes it possible to specify the criteria a perfective verb that belongs to morpheme-characterized Aktionsart must meet to make imperfectivation possible. The paper thus provides additional arguments for the inflectional interpretation of the verbal aspect in Russian, as well as against a need for a “mixed” interpretation of the Russian aspect as an inconsistently correlative category.

Keywords: Russian verb, Russian verb aspect, grammatical category, typology of grammatical categories, discussion, perfective Aktionsarten, perdurative, delimitative, semelfactive, imperfectivation.

1. Введение. Постановка задачи исследования

В [Бондарко, Буланин 1967] — книге, 50-летний юбилей которой был отмечен международной научной конференцией (ИЛИ РАН, 15–17.11.2017), при обсуждении места категории русского вида в типологии ГК приводятся две точки зрения: авторская, в соответствии с которой «вид... следует признать ГК смешанного типа — отчасти словоизменительного, отчасти классификационного» [Бондарко, Буланин 1967: 48]¹, и точка зрения Ю. С. Маслова, считавшего

¹ Авторство цитируемого раздела принадлежит А. В. Бондарко. В более поздней публикации этого автора, монографии [Бондарко 1976], терминология (и трактовка) несколько меняется: русский вид характеризуется как «непоследовательно коррелятивная морфологическая категория», близость этих двух характеристик фиксируется [Там же: 90]. Коррелятивность при этом понимается как «соотносительность форм одного и того же слова» [Там же: 84]. Вывод А. В. Бондарко: при предложенной трактовке вида как впоследствии коррелятивной морфологической категории «[г]лагольный вид (...) получает самостоятельное место в классификации морфологических категорий, приобретая специфическую качественную характеристику, не сводимую к простой сумме свойств категорий, представленных формами одного слова, с одной стороны, и формами разных слов — с другой, не сводимую к чему-то среднему между теми и другими категориями» [Там же: 99]. Имея в виду эти разъяснения, а также критику автором монографии 1976 года подхода к русскому виду как к словоклассифицирующей категории П. С. Кузнецова и авторов [Грамматика-70], см. [Там же: 89–93], для нас очевидно, что модель русского вида А. В. Бондарко вряд ли может быть однозначно и последовательно охарактеризована как «морфологическая деривационная категория», что следует из [Петрухина 2014: 254], где монография [Бондарко 1976] упоминается

русский вид категорией словоизменительной, характеризуемой дефектностью парадигмы на отдельных участках системы [Там же].

Несмотря на то, что с момента выхода в свет упомянутой монографии прошло полвека, дискуссия так и не была закрыта, тем более, что РГ-80 [Шведова (гл. ред.) 2005] однозначно охарактеризовала русский вид как категорию несловоизменительную, то есть (слово)классифицирующую [Там же: 584] (в рамках бинарного противопоставления: словоизменительная vs. словоклассифицирующая ГК). Таким образом, налицо три различных трактовки категории вида русского глагола в рамках классификации ГК: две полярные (словоизменительная vs. словоклассифицирующая) и промежуточная, стремящаяся примирить эти два полюса и трактующая русский вид как ГК смешанного типа.

Немаловажно, что в недавнем перечне «болевых точек» русской аспектологии, сформулированных в [Храковский 2015], характеристика вида как (слово)классифицирующей vs. словоизменительной ГК имеет подчеркнутый статус. Обсуждению этого вопроса, а также регулярности механизма суффиксальной имперфективации, посвящена статья [Горбова 2017], ответом на которую, с приведением контраргументов в пользу словоклассифицирующей трактовки русского вида, явилась публикация [Храковский 2018].

Возвращаясь к дискуссии о статусе русского вида, отметим, впрочем, что не так давно был предложен еще один теоретический подход к указанному противопоставлению ГК. Он сформулирован британским лингвистом Эндрю Спенсером [Spencer 2013] в рамках модели морфологии, основанной на понятии парадигмы (Paradigm-based Model). В рамках предлагаемого Э. Спенсером решения словоизменение и словообразование² представлены как два полюса в рамках единого континуума «лексического родства» (lexical relatedness) между двумя однокоренными словоформами: «inflection and derivation are just end points on a single scale of lexical relatedness» [Ibid: 173].

как первоисточник и обоснование трактовки русского вида как (морфологической) деривационной категории. Близкая к последней модель русского вида Ф. Лемана (наиболее полно изложенная в созданном на ее основе словаре [ВАРГОС 2011]) в силу ограничений объема публикации здесь не рассматривается, см. ее анализ в [Горбова (в печати)].

² Т. е. деривация; последняя, как известно, служит базой словоклассифицирующей ГК при единстве корня у ряда словоформ.

Однако если мы обратимся к четырем параметрам, введенным Э. Спенсером и служащим для анализа «типологического пространства лексического родства», то увидим, что один из них, а именно «лексемный индекс» (LI), у всех классов словоизменительной зоны данного пространства неизменно имеет показатель «-» (признак без изменения), а у всех деривационных классов — столь же неизменно — «+» (признак изменен).

Другими словами, можно констатировать, что по крайней мере по этому параметру (принадлежность однокоренных словоформ к одной и той же лексеме vs. к двум различным лексемам) четкость деления на два различных типа сохраняется.

Если же обратиться к оставшимся трем параметрам (FORM, SYN, SEM — формы, синтактика / категориальность, семантика соответственно), то легко увидеть, что при варьировании параметра «форма» два последних в совокупности так же, как и параметр лексемного индекса, дают одинаковые комбинации в обеих (словоизменительной и деривационной) зонах «типологического пространства» [Ibid: 7]. При этом упомянутое пространство разделено на две части: верхнюю, которая обозначена как «та же лексема» (начинается от полюса «словоизменение», характеризуется одинаковым набором значений по избранным параметрам), и нижнюю, обозначенную как «новая лексема» (занимает пространство от полюса «деривация» и до границы подзоны «та же лексема»; характеризуется собственным набором значений, одинаковым в рамках подзоны, но специфичным по отношению к подзоне «та же лексема»).

Таким образом, можно сделать вывод, что даже при градусном рассмотрении отношений между двумя однокоренными словоформами в рамках единого пространства с полюсами словоизменения и словообразования необходимость в определении и дифференциации обоих экстремальных феноменов и соответствующих понятий остается. Следовательно, не теряет своей актуальности ни квалификация грамматических категорий в рамках классификации словоизменительная vs. словоклассифицирующая (при условии наличия единого корня у словоформ — результата словообразования), ни желательность охарактеризовать в рамках данной классификации вид русского глагола.

В дальнейшем в рамках данной работы понятия словоизменения и словообразования (как основ для словоизменительной и словоклассифицирующей ГК соответственно) будут рассматриваться

как четко противопоставленные. Разграничительной линией между ними, вслед за, в частности, [Плунгян 2011б: 8–17], будет служить обязательность (облигаторность) употребления данной словоформы (с ее специфическим значением) при построении высказывания носителем соответствующего языка.

При этом понятие ГК смешанного типа (в [Бондарко 1976] — непоследовательно коррелятивной морфологической категории; о близости этих двух характеристик см. в [Там же: 90]) мы считаем избыточным, далее оно не используется. При подведении итогов мы вернемся к этой трактовке ГК вида в русском языке и покажем, как можно описать имеющийся эмпирический материал, не прибегая к понятию смешанной (непоследовательно коррелятивной) ГК, созданного, как будто бы, специально для характеристики русского глагольного вида³.

Обратимся к дискуссии о характеристике русского вида в терминах словоизменяемая vs словоклассифицирующая ГК. Напомним, что в [Храковский 2015] было сформулировано пожелание, адресованное сторонникам словоизменяемой трактовки русского вида: предложить правило (не)образования вторичного имперфектива от префигированного перфектива. Это правило призвано описать «мотивацию существующих запретов» [Там же: 328] для глаголов СВ, не принимающих суффиксальную имперфективацию.

Поскольку автор этих строк имеет все основания принять это пожелание на свой счет, основной целью данной статьи и будет решение (приближение к решению) поставленной В. С. Храковским задачи. Для этого мы обсудим десять обозначенных как перфективные СД русского глагола в трактовке А. А. Зализняк и А. Д. Шмелева [Зализняк и др. 2015: 110–135] с точки зрения применимости к ним суффиксальной имперфективации, верифицируемой с помощью НКРЯ и/или поисковых систем Яндекс и Google, позволяющих осуществлять поиск в русскоязычном интернете. Особое внимание при этом будет уделено имперфективации пердуративного

³ В [Бондарко 1976: 84–99] в качестве примера категории описываемого типа приводится еще и категория залога русского глагола, а также упоминаются субстантивное число и компаратив прилагательных и наречий, однако подробно вводимый тип морфологической категории разбирается и обосновывается именно на примере вида.

СД (пердуративов типа *проработать*, *просидеть* <все утро>) и чрезмерно-интенсивного СД⁴ (с циркумфиксом *у-...-ся* типа *убежаться*, *уработаться*), поскольку для иллюстрации положения дел в этой области мы можем воспользоваться результатами проведенного в [Горбова 2019] исследования *про-* и *у-*глаголов, начало которому (на материале *про-*глаголов) было положено в [Храковский 2018].

Наконец, прежде чем непосредственно приступить к последовательному обсуждению возможностей имперфективации перфективных СД русского глагола, сделаем еще одну важную оговорку. Предлагаемый анализ проводится с учетом теории множественной префиксации и запрета на третичную имперфективацию, сформулированных С. Г. Татевосовым [Татевосов 2013а]. В частности, именно последним объясняется (не)возможность имперфективации обладающих одинаковым инхотативным префиксом *за-* глаголов типа *запеть* (→ *запевать*) и *запереживать* (→**запереживать*). Во втором (но не в первом) случае селективно-ограниченный инхотативный префикс *за-* входит в имперфективную глагольную основу уже после введенного в нее на предшествующем этапе деривации имперфективирующего суффикса *-ва-* ([*за[пере[жи]]^{IPFV}ва*]^{IPFV}]^{PFV}-ть), вследствие чего еще одна имперфективация становится невозможной, поскольку возникают именно те условия, в которых реализуется запрет на третичную имперфективацию.

Далее изложение будет построено следующим образом. Раздел 2 формулирует исходные позиции для анализа имперфективности различных СД. В подразделах 2.1 и 2.2 приводятся перечни перфективных и имперфективных СД русского глагола по [Зализняк, Шмелев 2000: 104–127; Зализняк и др. 2015: 112–135], затем в 2.3 обобщаются наблюдения над представленными перечнями в виде ряда вопросов и ставятся задачи исследования; наконец, в 2.4 формулируется гипотеза. Последующие разделы (с 3 по 8) будут посвящены анализу способности к имперфективации отдельных перфективных СД. В заключительном разделе 9 подводятся итоги проведенного исследования.

⁴ По номенклатуре М. А. Шелякина, см. [Шелякин 2006]; в Бондарко, Буланин 1967: 18–19] эти глаголы являются «оттенком» интенсивного СД, в [Зализняк, Шмелев 2000; Зализняк и др. 2015] они входят в группу эволютивных СД, являющихся, в свою очередь, подтипом интенсивно-результативных.

2. СД русского глагола в их отношении к (им)перфективности

2.1. Перфективные СД

Перечень перфективных СД, а также комментарии относительно их имперфективируемости, даются в соответствии с [Зализняк, Шмелев 2000: 104–127; Зализняк и др. 2015: 112–135].

1. Начинательные СД: инхоативный (*за-*: *засвистеть*, *завонить*); несобственно-инхоативные глаголы (*за-*: *закипеть*, *запеть*; в отличие от первой подгруппы образуют НСВ₂⁵); ингрессивный (*по-*: *побежать*, *почувствовать*, а также: *о-/об-*: *опечалиться*, *образоваться*; *вз-/вс-*: *взвыть*, *вскричать*; *вз-/вс-...-ся*: *взмолиться*, *всполошиться*). То есть (собственно) инхоативные глаголы с префиксом *за-* не имперфективируются, но таким же (по форме) показателем обладают и несобственно-инхоативные глаголы, которые имперфективацию допускают. Комментарии по поводу (не)имперфективируемости подгруппы ингрессивных глаголов в [Зализняк и др. 2015: 112–117] отсутствуют.

2. Делимитативный (по [Бондарко, Буланин 1967: 16] — ограничительный) СД (*по-*: *погулять*) — «[д]елимитативные глаголы никогда не подвергаются вторичной имперфективации» [Там же: 118].

3. Пердуративный (по [Бондарко, Буланин 1967: 16] — длительно-ограничительный) СД (*про-*: *проговорить* <два часа по телефону>) — «глаголы пердуративного способа действия *просидеть*, *пролежать*, *простоять* подвергаются вторичной имперфективации [...] От прочих глаголов пердуративного способа действия образование вторичного имперфектива затруднено» [Там же: 119].

4. Финитивный СД (*от-*: *отцвести*) — «в принципе допускают имперфективацию, ср. *отрабатывать*, *отсидживать*, *отдежуривать* и др. Наиболее свободно подвергаются имперфективации те глаголы, которые уже прочно вошли в языковой узус» [Зализняк и др. 2015: 120].

5. Кумулятивный СД (накопительный; *на-*: *накупить*) — «глаголы данного класса поддаются имперфективации, ср. *накупать*,

⁵ Используемые здесь и далее обозначения НСВ₂ для вторичного имперфектива (и НСВ₁ — для первичного), а также понятие биимперфективной тройки, были введены в работе [Зализняк, Микаэлян 2010].

напиливать, натаскивать, наваривать, наезжать <по тысяче километров в год> и т. д. В ряде случаев именно вторичная имперфективация выявляет значение кумулятивности у глагола с приставкой *на-*» [Там же: 122].

6. Сатуративный СД (*на-...-ся: наестся*) — «глаголы сатуративного способа действия могут подвергаться имперфективации, ср. *наеда́ться, напива́ться, напаса́ться, нахватыва́ться* <разных сведений> и т. д.» [Там же: 123].

7. Интенсивно-результативные СД: достигабельный (*до-...-ся: догуля́ться* <до>), чрезмерно-длительный (*за-...-ся: зачита́ться*), группа глаголов эволютивного СД: с показателями *раз-...-ся (разговори́ться), из-...-ся (изголода́ться, измучи́ться), у-...-ся (ума́яться, убега́ться), вы-...-ся (выспа́ться, вылежа́ться)* — «[Г]лаголы интенсивно-результативных способов действия, как правило, допускают вторичную имперфективацию, ср. *дозванива́ться, дожидат́ся, докурива́ться; заговарива́ться, засижива́ться; расхварыва́ться; упрыгива́ться* и т. п.» [Там же: 125].

8. Семельфактивный СД (однократный, одноактный) (*-ну-, -ану-: крикну́ть, мазану́ть*); а также «примыкающие» [Там же: 127] к ним глаголы с показателями: *с-* (*сглу́пить*), *у-* (*ужали́ть*), а также комбинации *-ну-* и *с-*, *при-*, *вз-* (*сосну́ть, сболтну́ть, припугну́ть, встре́пену́ться*); комментарии по поводу (не)возможности имперфективации отсутствуют.

9. Атенуативный СД (=смягчительный) (*по-*: *пора́змышля́ть; под-*: *подзабы́ть; при-*: *приле́чь*; при этом *по-* и *под-* обязательно являются второй приставкой в словоформе) — о (не)возможности имперфективации не говорится, однако простой интроспективный эксперимент с данными образцами глаголов показывает, что вторичная имперфективация возможна: ^{OK} *подзабы́вать*, ^{OK} *призадумыва́ться*, ^{OK} *приостанавлива́ть*, ^{OK} *припуска́ть* <флаги>, ^{OK} *приоткрыва́ть* <двери>.

10. Дистрибутивный СД (распределительный) (*пере-, по-*: *переби́ть, выбрасыва́ть*) — о (не)возможности имперфективации в [Зализняк и др. 2015] не говорится, однако этот вопрос обсуждается в [Татевосов 2013б]: дистрибутивный *пере-* трактуется как внешний селективно-ограниченный префикс (СО-префикс), соответственно, он присоединяется исключительно к имперфективной основе: *би́ть* <посуду> → *пере-би́ть* <всю посуду>. В том случае, если это была первичная имперфективная основа-симплекс,

возможен следующий шаг деривации — вторичная имперфективация: → *пере-би-ва-ть* < всю посуду >.

Итак, обобщая сведения по десяти перфективным СД из [Зализняк, Шмелев 2000: 104–127; Зализняк и др. 2015: 112–135], можно отметить, что:

- относительно пяти из них имеются указания на вторичную имперфективируемость (для пердуративного СД — только для трех глаголов),
- в трех случаях (аттенуативный, дистрибутивный и семельфактивный СД) отсутствует информация о (не)возможности имперфективации,
- в одном случае (начинательные СД) — проводится различие между (собственно) инхоативными и несобственно-инхоативными глаголами с *за-* именно по признаку (не)возможности имперфективации,
- еще в одном случае (делимитативный СД) — имеется специальное указание о неимперфективируемости.

2.2. Имперфективные СД

В общем перечне СД имеется четыре имперфективных (их список также составлен по общему перечню способов действия, представленному в [Зализняк, Шмелев 2000: 104–127; Зализняк и др. 2015: 112–135]). Для нас они представляют интерес исключительно как возможные пары для перфективов с теми же префиксами (при наличии).

1. Многократный СД (итеративный, фреквентативный; *-ыва-/-ива-, -ва-, -á-*: *сиживать, знать, есть*); суффиксы, являющиеся показателями имперфективации, присоединяются к имперфективной же основе-симплексу, или НСВ₁.

2. Прерывисто-смягчительный СД (*по-...-ыва- / -ива-*: *покашливать*; *под-...-ыва- / -ива-*: *подворовывать*; *при-...-ыва- / -ива-*: *прихрамывать*) — «являются одновидовыми, т. е. не образуют видовых пар с глаголами делимитативного СД с приставкой *по-*» [Зализняк и др. 2015: 130].

3. Взаимно-многократный СД (*пере-...-ыва- / -ива-...ся*: *переговариваться*); относительно него дан комментарий: «[с]ледует отличать глаголы этого способа действия от вторичных имперфективов, образованных от глаголов сов. вида с формантом *пере-...-ся*, обозначающих однократное взаимное действие;

ср. *перегляднуться* — *переглядываться*, *перекинуться* — *перекидываться* <мячом, парой слов, в картишки>, *переброситься* — *перебрасываться* <несколькими словами>, *перенюхаться* — *перенюхиваться* (о собаках)» [Там же: 132]; приведенная рекомендация естественным образом побуждает самым внимательным образом проанализировать аргументы за и против парности двух указанных форм.

4. Комитативный СД (=сопроводительный; *при-...-ыва- / -ива- / -ва-*: *приплясывать*, *припевать*, *под-...-ыва- / -ива- / -ва-*: *подпевать*); по поводу данного СД приводится аналогичный комментарий, который порождает аналогичную же реакцию: «[с]ледует отличать глаголы этого СД от вторичных имперфективов, образованных от глаголов сов. вида с приставками *при-* и *под-* в соответствующих значениях, ср. *причмокнуть* — *причмокивать*» [Там же: 134].

Отметим, что в обоих случаях (по поводу взаимно-многократного и комитативного СД) инструментов (или рекомендаций), позволяющих последовать призыву «отличать» два формально сходных (если не идентичных) явления, не предлагается.

2.3 Вытекающие из перечней СД вопросы и частные задачи исследования

Обращение к перечню СД (с особым вниманием к отношению каждого из перфективных СД к суффиксальной имперфективации и к каждому из имперфективных СД как к потенциальной паре для перфектива с тем же префиксом или набором префиксов) позволяет сформулировать следующие вопросы.

- i. Верно ли, что инхоативные глаголы с *за-* делятся на «собственно-инхоативные» и «несобственно-инхоативные» по признаку +/- имперфективация и что первые не могут имперфективироваться?
- ii. Верно ли, что однокоренные глаголы делимитативного и прерывисто-смягчительного СД, префигированные *по-* (*посидеть* — *посиживать*), не являются видовой парой, то есть что вторая форма не будет закономерным результатом вторичной имперфективации, и/или что делимитатив не имперфективируется?
- iii. То же — относительно аттенуативного и прерывисто-смягчительного СД с *под-* и *при-* (*подзабыть* — *подзабывать*, *призадуматься* — *призадумываться*, *прилечь* — *прилегать*).

- iv. Верно ли, что пердуративный СД с префиксом *про-* имперфективируется только на узком участке из трех глаголов ‘положения в пространстве’ (*просидеть, пролежать, простоять*)?
- v. Верно ли, что семельфактивы с *-ну-* / *-ану-* не допускают суффиксальной имперфективации «поверх» семельфактивного суффикса?

2.4. Гипотеза

Понятно, что чем больше отрицательных ответов мы получим на поставленные в предыдущем разделе вопросы, тем более регулярной в смысле «имеющей меньше ограничения на входе» окажется имперфективация как механизм видообразования.

Гипотеза сводится к следующему: из пяти поставленных выше вопросов положительный ответ следует ожидать только в последнем случае, то есть:

- (1) Имперфективироваться путем введения в основу суффикса *-(ы/и)ва-* не могут исключительно семельфактивы, имеющие собственные суффиксальные показатели *-ну-/ -ану-*.

Верификация данной гипотезы будет осуществляться через обращение к НКРЯ. При анализе пердуративов и глаголов с формантом *у-...-ся* использовались также поисковые системы Яндекс и Google.

3. (Не)собственно-инхоативные глаголы и имперфективация

Напомним, что по [Зализняк, Шмелев 2000; Анна Зализняк и др. 2015] инхоативы с префиксом *за-* делятся на (собственно) инхоативы и несобственно инхоативы. Первые не имперфективируются, для вторых же имперфективация доступна⁶. Под данное различие

⁶ В связи с поставленными в этом исследовании задачами и заданными рамками объема публикации вводится следующее ограничение: здесь обсуждается исключительно трактовка русских начинательных глаголов, предложенная в двух указанных монографиях, вместе с введенным там разделением на (не)собственно инхоативы. Обзор других наличествующих в литературе трактовок и классификаций русских префигированных глаголов, включающих в свою семантику идею начала, а также анализ их способности к имперфективации оставлены за пределами данной работы в качестве задачи для будущих исследований.

подводится семантическое обоснование: «все соответствующе [несобственно-инхоативные. — Е.Г.] глаголы несов. вида имеют нетривиальное значение — преимущественно значение процесса прохождения начальной фазы (отличной от срединной). Так, *закуривать* значит зажигать сигарету и делать первую затяжку, словом *зацветать* обозначают период, когда на дереве начинают распускаться цветы; *заболевать* обозначает состояние, непосредственно предшествующее состоянию ‘быть больным’ и т. д. Именно существование начальной (подготовительной) фазы и отличает эти глаголы от собственно-инхоативных» [Там же: 114–115].

По-видимому, логика, лежащая в основе указанного разбиения инхоативов⁷, такова: если есть возможность реализации актуально-длительного значения НСВ, то образуется и НСВ₂.

Однако, как известно, вторичные имперфективы, кроме актуально-длительного, способны также выражать тривиальное для НСВ итеративное значение, причем делают это значительно более регулярно. Именно по этой причине можно предположить, что инхоативы, в случае применения к ним вторичной имперфективации, могли бы выражать итеративность.

Выдачи НКРЯ дают нам примеры такой реализации, см. ниже примеры (2)–(4) с имперфективными формами *заванивать*, *захаживать*⁸, которые иллюстрируют возможность имперфективации собственно-инхоативных по [Зализняк и др. 2015] глаголов.

- (2) *На местах же никакого леченья не было, лекарств не было — больные или выживали, или заванивали трупом.* [Олег Павлов. Казенная сказка (1993)]
- (3) *Хотя с ведома моего на горизонте графа Льва Николаевича Толстого уже захаживали matrimониальные облачка, тем не менее я был обрадован и поражен письмом от 9 октября...* [А. А. Фет. Мои воспоминания. Часть I (1862–1889)]

⁷ Отметим, что подобное семантическое обоснование, как и само разделение начинательного способа действия на ингрессивы (с *по-*) и инхоативы (с *за-*), а последних — на (собственно) инхоативы и несобственно инхоативы, отсутствует, например, в [Бондарко, Буланин 1967: 14–15; Шелякин 2008: 151–152].

⁸ При работе с НКРЯ проводилось различение имперфективированных инхоативов и омонимичных им НСВ₂ от комплетивных глаголов: *заигрывать* от *заиграть* и *заигрывать* <до одури, до смерти>, *заплясывать* от *заплясать* и *заплясывать* <кого-то до одури>.

- (4) *Как-то пригнал Алешка лошадей в степь. Долго бочился, **захаживал** вокруг норовистой и брыкучей кобыленки, хотел репы выбрать из гривы и счистить с кожи присохишую коросту.* [М. А. Шолохов. Алешкино сердце (1925)]

Сравним с несобственно-инхоативным глаголом *запеть*, у которого имеется конвенциональная форма НСВ *запевать*⁹. Форма НСВ₂ для *запеть* в НКРЯ обнаруживается, в том числе и при обозначении единичной ситуации, как в (5) и (6) (в (5) — в актуально-длительном значении), и в итеративном значении, как в (7).

- (5) *Кудряш (свищет и громко **запевает**). Всё домой, всё домой...* [А. Н. Островский. Гроза (1860)]
- (6) — *Песню **запевай!** Я всегда ненавидел петь хором, но в этот раз все было совсем иначе, песня просто сама рвалась из груди...* [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)]
- (7) *А одноглазый Илко, ехидный старикашка, без долгих предисловий **запевает**, чуть пропустит стаканчик.* [Вероника Хлебникова. Смотреть! // «Однако», 2009]

С другой стороны, следует признать, что при попытке обнаружить в НКРЯ НСВ₂ от целого ряда инхоативов был получен ответ «по этому запросу ничего не найдено» (поиск производился последовательно по всем подкорпусам НКРЯ). Отрицательные результаты в НКРЯ были получены на запросы: *загруцивать* (гипотетический имперфектив от *загрустить*), *запестревать*, *загарживаться* (от *загордиться*), *заташничать*, *заволновываться*, *засверкивать*, *забегивать*.

В то же время для глаголов с другими префиксами, также включенными в «начинательный СД» (см. выше), в НКРЯ были найдены следующие формы НСВ₂:

⁹ Кстати, памятуя о том, что было предложено семантическое обоснование разделению на собственно- и несобственно-инхоативные глаголы по признаку + / — «нетривиальное значение» в прохождении начальной фазы, вполне разумным видится вопрос: имеется ли этот семантический компонент у глагола *запеть*, охарактеризованного как несобственно-инхоативный? По меньшей мере, он далеко не так очевиден, как в случае с *заболеть* — *заболевать*.

✓ форма *опечаливаться*:

- (8) *Сергей улыбнулся, добро и соглашиво, и как бы шагнул с помощью этой улыбки из зоны серьезного в зону улыбчивую, где не спорят, не присматриваются, не **опечаливаются**.* [Лазарь Карелин. Подснежник (1976)];

✓ форма *вздумывать*:

- (9) *Бабы если **вздумывали** что заметить друг другу, то делали это шепотом.* [С. Т. Семенов. Сюрприз (1903)]
- (10) *Если вы еще не нашли то что искали, желаю, чтобы это свалилось вам на голову, и не **вздумывайте** откидывать это в сторону, ведь если это упало именно вам на голову значит, так должно было случиться — судьба:)* [Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004)]

Возвращаясь к начинательным *за*-глаголам, можно сформулировать промежуточный вывод: необходимость делить инхоативные глаголы с *за*- на (не)собственно-инхоативные видится спорной, особенно базируясь на предложенном в [Зализняк, Шмелев 2000; Зализняк и др. 2015] семантическом обосновании данного деления.

Однако вопрос о том, существует ли некое абсолютно действующее ограничение на имперфективацию инхоативов, несомненно, имеет смысл. И ответ на него, по-видимому, положительный. Ограничение есть, однако оно не семантическое (и поэтому выходит за пределы глаголов с семантикой начинательности), а морфосинтаксическое.

По [Гатевосов 2013а] начинательный *за*- является одним из селективно-ограниченных префиксов (СО-префиксов), следовательно, доступность имперфективации ставится в зависимость от наличия или отсутствия суффикса имперфективации, вошедшего в основу на предшествующем этапе деривации. Имперфективация исключена в том случае, если в основе уже имеется суффикс имперфективации, то есть невозможна, например, от *за-пере-жи-ва-ть* → **за-пере-жи-вы-ва-ть* ([за[пере[жи]^{IPFV}]^{PFV}ива]^{IPFV}]^{PFV}-ть), однако вполне доступна в случаях типа *запеть* (→ *запевать*).

При этом при условии отсутствия в основе суффикса имперфективации, введенного на предыдущем этапе деривации, представляется верной следующая тенденция: «Наиболее свободно

подвергаются имперфективации те глаголы, которые уже прочно вошли в языковой узус» [Зализняк и др. 2015: 120]. Наблюдение это сделано авторами цитируемой работы по поводу финитивных глаголов, однако, по всей видимости, оно носит гораздо более общий характер.

4. Делимитатив и имперфективация

Напомним, что делимитативу обычно отказывают в имперфективации, ср.: «[в]се делимитативные глаголы являются одно-видовыми» [Шелякин 2008: 154]; [д]елимитативные глаголы никогда не подвергаются вторичной имперфективации; глаголы типа *покашливать*, *покуривать*, *погуливать*, которые можно принять за вторичные имперфективы к *покашлять*, *покурить*, *погулять*, таковыми не являются: они представляют собой другой способ действия, а именно — прерывисто-смягчительный, формальным показателем которого является комбинация приставки *по-* с суффиксом *-ыва-* [Зализняк и др. 2015: 118–119].

Проанализируем взаимоотношение форм типа *покашлять* и *покашливать*, поставленных в соответствие друг другу в приведенном утверждении. Понятно, что со стороны формы, плана выражения, пары типа *переписать* — *переписывать* (бесспорная видовая пара) и *покашлять* — *покашливать* не различаются. Таким образом, вполне очевидно, что утверждение о видовой несоотнесенности форм типа *покашлять* и *покашливать* базируется на учете плана содержания. Следовательно, требуется обращение к семантике упомянутых СД — делимитативного и прерывисто-смягчительного.

Семантика делимитативов эксплицируется авторами анализируемого утверждения следующим образом: «[Г]лаголы этого класса описывают некоторую «порцию» действия, оцениваемую как небольшую и ограниченную временем, в течение которого оно производилось»; «делимитативный способ действия свободно образуется от любых глаголов со значением неопределенного процесса [...], ср. *побегать*, *повеселиться*, *повоевать*, *побеседовать*, *погрустить*, *подвигаться* [...] и мн. др.»; «может быть образован также и от предельных глаголов, но значение предельности при этом утрачивается, ср. *полчаса почитать* <газету>»; «относясь к сов. виду, глаголы делимитативного способа действия сохраняют некоторые свойства

производящего глагола несов. вида, обозначающего процесс» [Зализняк и др. 2015: 118].

Таким образом, семантика делимитатива разлагается на компоненты: ‘лимитатив’ (ограниченность «порцией») и ‘аттенуатив’ («оцениваемой как небольшая»). Также следует учесть важную в семантическом и сочетаемом планах деривационную историю делимитатива: происхождение от глаголов, обозначающих непредельный (реже — предельный) процесс.

Прерывисто-смягчительный СД охарактеризован следующим образом: [Г]лаголы этого класса образуются от глаголов, обозначающих непредельные процессы и (реже) состояния, и значат ‘делать что-то время от времени и понемногу’: *покуривать, попивать, погуливать, покашливать, побаливать, похварывать, постукивать, покалывать* <в боку>, *похаживать, пощипывать* <травку>, *пописывать* <стишки>... и т. п. [Там же: 130].

То есть семантика глаголов прерывисто-смягчительного СД может быть представлена как сумма компонентов: ‘аттенуатив’ («понемногу») и ‘итератив’ («время от времени»). Здесь так же отмечено происхождение от непредельных процессов и (реже) состояний.

Сравнение представленной покомпонентно семантики обоих СД показывает, что и у того и у другого СД имеется общая часть — ‘аттенуатив’, но есть и различие: у делимитатива это значение ‘лимитатив’, а у прерывисто-смягчительного СД — ‘итератив’.

С учетом сведений о диахронии и семантике суффикса *-(ы/и)ва*¹⁰ можно утверждать, что значение итеративности — это не что иное, как семантический вклад данного суффикса (то есть именно то, что тривиально отличает НСВ₂, образуемого от префигированного СВ).

В этом месте нашего обсуждения возникает закономерный вопрос: можно ли считать, что (при гипотетической имперфективации делимитатива) значение ‘лимитатива’ исчезает, коль скоро оно не обнаруживается в семантике прерывисто-смягчительного СД?

Думается, что нет, поскольку, во-первых, именно лимитативное значение благоприятствует реализации в форме НСВ₂ итеративности, а во-вторых, оно вообще близко аттенуативности («делать что-то понемногу»). Ср. с анализом семантики делимитатива в [Федотов, Чуйкова 2013], где в качестве (непостоянных) компонентов (де)

¹⁰ См. подробное освещение данного вопроса в [Maslov 1959; Маслов 2004: 131–140], а также в более свежих публикациях [Шевелева 2010; 2013].

лимитативного значения выделяются такие оценочные компоненты, как брeвиативность (краткость), аттенуативность и пейоративность ('длительность ситуации / интенсивность ситуации / «добросовестность» участников ситуации меньше обычной') [Там же: 182–183].

Примечательны также следующие наблюдения тех же авторов над семантикой делимитатива и его деривационными связями: «[т]ак [...], оттенок аттенуативности в некоторых случаях проявляется достаточно отчетливо и не обязательно сопровождается явным оттенком брeвиативности (см. пример... *кой-чего подделать* — тихо, исподтишка, ненавязчиво). Отметим также, что именно через компонент аттенуативности можно связать делимитативную деривацию со «смягчительным» (*поостыть, попривыкнуть*) и «прерывисто-смягчительным» (*покашливать, позвякивать*) способами глагольного действия [...]

[Там же: 183 (сноска 56)].

Обратимся к языковому материалу и сравним три контекста с формой *покашливать*:

- (11) *Во дворе дедушка потюкивал топором да **покашливал***. [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968–1991)]
- (12) *Филатов вдруг стеснительно **покашливает** и обрывает поток информации, может быть вспомнив, что ему, физику и поэту, вроде бы не по чину знать так много подробностей о харьковском подпольном мире жуликов и фарцовщиков*. [Эдуард Лимонов. Молодой негодяй (1985)]
- (13) *(...) говорит он, вертит шейей, **покашливает** и предупреждает шепотом* [Юрий Казаков. Трали-вали (1959)]

В (11) — типичная реализация «прерывисто-смягчительного» значения, в (12) — явно (а в (13) — скорей всего) единичная ситуация, то есть реализация даже не итеративного, а нарративного (равного здесь настоящему историческому и близкого актуально-длительному) значения НСВ₂ от *покашлять*.

При таком положении дел в качестве возможных видятся следующие решения:

- i. считать, что в (11) и (12) представлены омонимы: *покашливать* прерывисто-смягчительного СД и *покашливать* как НСВ₂ от *покашлять*; тогда оказывается, что запрета на имперфективацию (этого конкретного) делимитатива (по семантическим причинам) нет;

- ii. считать, что в (11) и (12) реализуется имперфективная форма от делимитатива *покашлять*, но в различных значениях — итеративном и значении единичной ситуации (в том числе и актуально-длительном); тем самым постулируется полисемия НСВ₂ (обычная для него) и устанавливается видовая парность между делимитативами и представителями «прерывисто-смягчительного» СД.

При любом из этих решений, принимаемых по отношению к паре *покашлять* и *покашливать*, формулируемый в литературе принципиальный запрет на имперфективацию делимитатива снимается. Предположительно этот вывод применим к аналогичным парам, конституируемым однокоренным делимитативом и глаголом прерывисто-смягчительного СД с префиксом *по-* (вопрос нуждается в дополнительном изучении¹¹). Из принципиальной имперфективности делимитатива не следует, однако, что любой русский делимитатив свободно подвергается суффиксальной имперфективации.

5. Аттенуатив и имперфективация

Похожим образом обстоит дело и с парами аттенуатив — прерывисто-смягчительный СД: *подвыпить* — *подвыпивать*, *призадуматься* — *призадумываться*, *поразмыслить* — *поразмысливать*.

Для глаголов с *по-*, *под-* и *при-* (*по-* и *под-*, как уже отмечалось в [Зализняк и др. 2015], всегда вторые приставки в словоформе) образуются пары из перфективного аттенуатива (смягчительного СД) и имперфективного прерывисто-смягчительного СД. Ср. (14) и (15), (16) и (17), (18) и (19):

- (14) *Но все **подвыпили**, болтали друг с другом, молодежи хотелось танцевать, и вообще у нас не привыкли к застольным*

¹¹ Показателен, однако, практически аналогичный вывод, к которому приходит автор недавнего исследования [Славкова 2017]: «Что касается русского языка, мы считаем, что нельзя исключить ... развития прагматических (оценочных) значений префикса *по-* ... у русских глаголов НСВ, образованных от делимитативов. Можно допустить, что в глаголах типа *полеживать* значение ограниченности во времени (*полежать*) сохраняется и итеративизируется ('лежать недолго неопределенное количество раз')» [Там же: 214] (автор приведенной цитаты ссылается также на работу [Пазельская, Татевосов 2008], в которой также предлагается анализ форм типа *покуривать* как имперфективации делимитатива, «результатом которой является итерация делимитативной ситуации» [Там же: 364]).

- речам, и я шепнул Ефиму...* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)]
- (15) *В Елабуге много народа провожает друзей, родных, получивших повестки и отправляющихся на фронт. Многие **подвыпивают** по сему случаю.* [Г. С. Эфрон. Дневники. (1941)]
- (16) — *Нам и самим стоит еще немного **поразмислить**.* [Ольга Онойко. Некромантисса (2014)]
- (17) *«Черт их знает, может быть, еще их дела и к лучшему как-нибудь обернутся: может, сын на шиншеевских деньгах женится, — **поразмисливал** всесторонний Полиевкт, — все может быть — чем черт не шутит!* [В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. (1867)]
- (18) *Гостья уже **подзабыла** колхозные председательские обычаи, но даже вспомнив, всё равно удивилась* [Борис Екимов. Пиночет (1999)]
- (19) *И всякий раз не мог не восхититься всей мерзостностью водочного вкуса, каждый раз **подзабывал**, думал, что, может, только в прошлые разы ему так казалось...* [Павел Мейлахс. Избранник (1996)]

Как можно видеть, и здесь прерывисто-смягчительный СД отличается от аттенуатива только наличием суффикса имперфективации и обычными для НСВ₂ значениями итеративности — в (15) и (19), либо, при единичности ситуации, актуальной длительности — в (17).

Аттенуативам приписывается значение ‘делать нечто слегка, не прилагая усилий, недолго’ [Зализняк и др. 2015: 127], а прерывисто-смягчительному СД — ‘делать что-то время от времени и понемногу’ [Там же: 130]. Явное различие этих значений сводится к итеративности, компоненты же ‘слегка, недолго’ и ‘понемногу’ — близки, если не идентичны.

6. Семельфактивы с *-ну-* и *-ану-* и имперфективация

Обращение к НКРЯ при попытке найти имперфективированный семельфактив, в котором суффикс *-(ы/и)ва-* входил бы в основу «поверх» суффикса *-ну-* и *-ану-*, неизменно дает один результат:

«по этому запросу ничего не найдено». В качестве гипотетических форм вводились следующие запросы: *дернывать* (от *дернуть*), *клюнывать* (от *клюнуть*), *двинывать* (от *двинуть*), *грянывать* (от *грянуть*), *психанывать* (от *психануть*), *кашленывать* (от *кашлянуть*).

Единственное обнаруженное в НКРЯ исключение — форма *встрепенываться* (2 вхождения из 1 документа), см. (20).

(20) — *С разновысокими колесами? — встрепенывался Антон. — Нет, к этому времени, — уточнял дед, — колеса были уже одинакие.* [Александр Чудаков. Ложится мгла на старые ступени (1987–2000)]

Однако поскольку имеется также вхождение с формой *встрепетьваться* (см. (21)), то можно считать, что в имперфективной форме *-н-*, в отличие от «восстанавливаемого» *-т-*, незакономерен, ср. *взгляд* → *взгля(д)нуть* → *взглядывать*¹² и *трепет* → *трепетать* → *встрепе(т)нуться* → *встрепенываться* или *встрепетьваться*. Согласный перед *-ыва-* необходим по фонотактическим причинам, чтобы избежать зияния, и появление здесь не исходного *-т-*, а сохранение *-н-* из производящей (на последнем шаге деривации) перфективной основы является техническим и не изменяет общей картины.

(21) *Ну, вы знаете: стоит этим закукленным тварям оказаться в подходящей среде, как они встрепетьваются и начинают жить полнокровной и радостной жизнью.* [Андрей Волос. Недвижимость (2000)]

Таким образом, общее правило может быть сформулировано следующим образом.

(22) Семельфактивы с носовыми суффиксами *-ну-* и *-ану-* не способны к имперфективации при помощи суффиксального показателя *-(ы/и)ва-* и, тем самым, вообще не имперфективируются¹³.

¹² Благодарю редактора за подсказанную аналогию.

¹³ Ср. с утверждением: «в русском языке именно семельфактивный суффикс *-ну-* оказывается наиболее тесно связан с видовой характеристикой лексемы: семельфактивные глаголы всегда совершенного вида, и никакие другие морфемы не способны «зачеркнуть» этот семантический эффект» [Плунгян 2011а: 302].

Соответственно, единственным доступным для семельфактивов имперфективом оказывается равный им по морфемной сложности (по одному суффиксу в обоих случаях) мультипликатив: *мах-а-ть* — *мах-ну-ть*, *рух-а-ть* — *рух-ну-ть*, *зырк-а-ть* — *зырк-ну-ть*.

7. Пердуративы (*про*-глаголы) и имперфективация¹⁴

Составленная по [МАС] выборка пердуративов насчитывает 333 (моносемичные) лексемы (23,77 % максимальной выборки от всех лексем *про*-глаголов), из которых 2 являются лексемами глаголов на *-и(зи)рывать*. Подчеркнем, что обращение к понятию моносемичной лексемы важно, поскольку весьма типична ситуация, когда пердуративное значение — лишь одна из лексем (полисемичной) вокабулы.

Приведем данные об имперфективированности пердуративных лексем: доля НСВ₂ от *про*-перфективов в рамках [МАС] — 3,30 % (11 из 333); то же в [МАС] + [НКРЯ] — 23,72 % (79 из 333); то же в [МАС] + Яндекс и Google — 54,35 % (181 из 333).

Мы видим, что обращение к НКРЯ и поисковым системам выявляет следующее: способность к образованию конвенционального, то есть зафиксированного в словаре (в нашем случае — в [МАС]), НСВ₂ присуща вовсе не трем глагольным лексемам, как указано в [Зализняк и др. 2015: 119], а одиннадцати. Это: *провести*, *прогулять*, *прожить* (2 лексемы), *пролежать* (2 лексемы), *проморозить*, *просидеть* (2 лексемы), *просудить*, *профильтровывать*. Кроме того, обнаруживается, что за пределами [МАС] уровень имперфективированности пердуративов существенно выше, чем в нем, см. (23) и (24).

(23) *Целые ночи он продумывал о жене Анне и своих ребятишках: что-то они там, как живут, как пребываются?..* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Золото (1892)]

(24) *Тогда только и разговоров у нас было о том мире — могли проговаривать часами...* (<https://www.litmir.me/br/?b=38419>)

¹⁴ Этот (и следующий) раздел представляет результаты исследования имперфективированности пердуративов, явившегося частью более широкого исследования — имперфективированности *про*- и *у*-глаголов [Горбова 2019]. Методика исследования предполагала составление сплошной выборки глаголов с данным префиксом по словарю [МАС] с последующим выяснением их имперфективированности в три этапа. Первый — по тому же словарю, второй — по НКРЯ, третий — в русскоязычном интернете путем обращения к поисковым системам Яндекс и/или Google.

Вместе с тем, становится очевидным факт затрудненности имперфективации пердуративов. Нельзя не признать, что в целом они имперфективируются значительно хуже, чем все *про*-глаголы. Результаты по максимальной выборке последних таковы: доля НСВ₂ от *про*-перфективов в [МАС] — 52,61 % (737 из 1401); то же в [МАС] + [НКРЯ] — 63,52 % (890 из 1401); то же в [МАС] + Яндекс и Google — 81,37 % (1140 из 1401) (по [Горбова 2019]).

Объяснение причин отмеченной для пердуративов затрудненности имперфективации должно, по-видимому, явиться целью отдельного исследования. До реализации этой работы с уверенностью можно утверждать только то, что эти трудности связаны отнюдь не с формой: типична ситуация, когда в рамках полисемичной вокабулы, включающей пердуратив, другие лексемы этой вокабулы имперфективируются без каких бы то ни было затруднений, ср. *проварить* — *проваривать* <мясо> и пердуратив *проварить* <нечто все утро>, НСВ₂ для которого в [МАС] отсутствует. На данный момент ограничимся предположением, что сопротивление имперфективации связано с актантной структурой пердуратива, причем особые трудности возникают у перфективных пердуративов с обязательной валентностью на прямое дополнение с семантической ролью Пациенса.

Проиллюстрируем это предположение текстовым фрагментом (25) с формой НСВ₂ *проваривать*.

(25) *Вкусное живое варенье готовится без сахара. Вместо него используется мед. Он сохраняет и увеличивает действие других компонентов. **Проваривать** часами и использовать технику — не нужно. Так сохраняется максимальная польза.* (https://rodovid.me/zelenaya_aptechka/kak-sdelat-vkusnoe-varene-i-naturalnye-lekarstva-bez-sahara.html)

В (25) из левого контекста у глагола *проваривать* восстанавливается Пациенс (варенье), что немедленно делает этот фрагмент далеко не идеальным для иллюстрации имперфективуемости *про*-перфектива *проварить*, поскольку становится возможной реализация другого значения префикса ‘распространенность действия во всей полноте на весь предмет’ [МАС]: «провари(ва)ть не что до определенного состояния, до готовности» И это происходит несмотря на присутствие адвербиала *часами*, который в силу присущей ему итеративности и семантической производности от типичного для пердуратива обстоятельственного выражения ‘X часов’

должен обеспечивать реализацию семантики итеративизированной пердуративности: *проварила час* → *проваривала часами*. Показательно, что при анализе (23) и (24), где Пациенс при глагольных предикатах отсутствует (в том числе, в исходной перфективной форме: *продумать целый час о жене, проговорить X часов о чем-либо*), легче согласиться с тем, что перед нами не что иное, как пердуративы, подвергшиеся стандартной в случае имперфективации семантической операции итеративизации.

8. Чрезмерно-интенсивный СД и имперфективация

В [MAC] было обнаружено 18 лексем с циркумфиксом *у-...-ся*, реализующих семантику чрезмерно-интенсивного СД (из 976 лексем максимальной выборки *у-глаголов*, то есть доля СД — 1,84%): *убегаться, убродиться, увалиться, увозиться, угоняться, уездиться, укачаться, умазаться, умориться, умотаться, умучиться, умыкаться, упиться, упрыгаться, уыхаться, уработаться, утрудиться, уходиться*. Глаголы этого СД обнаруживают следующий уровень имперфективируемости: доля НСВ₂ в рамках [MAC] — 38,88% (7 из 18); то же в [MAC] + [НКРЯ] — 38,88% (7 из 18); то же в [MAC] + Яндекс и Google — 77,78% (14 из 18).

Приведем несколько иллюстраций, см. (26)–(28).

(26) *Может быть, когда станет теплее и ребенок **будет убеги-ваться** на улице, он еще пару месяцев днем поспит. Но сейчас, похоже, просто потребности нет.* (<http://www.ljpoisk.ru/archive/6548399.html>)

(27) *Завтра — день неспешный. Салатиков **настрогать**, горячее в духовку сунуть, в ванне с пеной **полежать** до сморщенной кожи на пальцах... Но, для того, чтобы завтра не **упрыгиваться** у плиты до состояния "мордой в салат", сегодня нужно **авралить**. То есть **крутиться**, как белочке.* (mavka1961.livejournal.com/47361.html)

(28) *Дима, ну нельзя-же так **уработываться**! Лето ведь!* (<https://politikus.ru/v-rossii/55137-grem-filips-i-mariya-katasonovazaderzhany-po-donosu-liberala-ukrainca.html>)

Таким образом, можно констатировать, что если чрезмерно-интенсивный СД и показывает невысокую способность ко вторичной

имперфективации в словаре, то речевая практика успешно компенсирует эту картину, практически в два раза повышая имперфективируемость данной подгруппы перфективов и доводя ее до уровня, превышающего две трети. Тем самым подтверждается мнение авторов [Зализняк и др. 2015] о том, что «[г]лаголы интенсивно-результативных способов действия (к которым относится СД с формантом *у-...-ся*. — Е. Г.), как правило, допускают вторичную имперфективацию» [Там же: 125].

9. Итоги

Итак, на поставленные в разделе 2.3 вопросы мы получили четыре отрицательных и один положительный ответ.

- i. Неверно, что инхоативные глаголы с *за-* делятся на «собственно-инхоативные» и «несобственно-инхоативные» по признаку *+/-* имперфективация и что первые не могут имперфективироваться.
- ii. Неверно, что делимитативы (в принципе) не имперфективируются.
- iii. Неверно, что аттенуативы (в принципе) не имперфективируются.
- iv. Неверно, что пердуративный СД с префиксом *про-* имперфективируется только на узком участке из трех глаголов 'положения в пространстве' (*просидеть, пролежать, простоять*).
- v. Верно, что семельфактивы с носовыми суффиксами *-ну/-ану-* не допускают суффиксальной имперфективации «поверх» семельфактивного суффикса.

Таким образом, можно надеяться, что нам удалось добавить определенности в вопрос об экспликации ограничений по отношению к единицам, поступающим на вход механизма имперфективации, сократив количество групп префигированных (или имеющих циркумфиксальный формант) глаголов СВ, которым не доступна стандартная в формальном и семантическом отношении имперфективация.

Обсуждение перфективных СД с точки зрения их отношения ко вторичной имперфективации (и с учетом установленного в [Татевосов 2013а] запрета на третичную) показало, что участвовать в единственном регулярном процессе видообразования в русском языке — суффиксальной имперфективации — не могут

исключительно суффиксальные же семельфактивы. Тем самым было продемонстрировано, что уровень регулярности суффиксальной имперфективации как формообразовательного видового механизма несколько более высок, чем принято об этом думать, и это еще один аргумент в пользу словоизменительной трактовки русского вида.

Возвращаясь к вопросу о характеристике ГК вида русского глагола в терминах словоизменения vs. словоклассификации (включая также промежуточную характеристику вида как смешанной, или непоследовательно коррелятивной, ГК), выскажем следующие соображения. Во-первых, словоизменительная трактовка, имеющая в виду морфологический механизм суффиксальной имперфективации перфективов, вполне удовлетворительно работает на всем пространстве русских (единожды) префигированных глаголов¹⁵. Во-вторых, при условии выведения глаголов-симплексов (НСВ₁ и СВ₁ типа *читать* и *дать*) за пределы регулярного морфологического вида — в область вида лексического (см. аргументацию в [Горбова 2017: 27–30, 40–41]), и словоклассифицирующая, и смешанная трактовка в существенной степени оказываются лишенными эмпирических оснований. Таким образом наиболее адекватной моделью описания для русского вида следует признать словоизменение. При этом умножения сущностей не происходит, поскольку понятие лексического вида (акциональности) грамматике уже известно, кроме того, отпадает необходимость во введении дополнительного понятия смешанной ГК.

Условные обозначения

ГК — грамматическая категория, (Н)СВ — (не)совершенный вид, СД — способ действия, PFV — перфектив (СВ), IPFV — имперфектив (НСВ)

Литература

Бондарко 1976 — А. В. Бондарко. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976.

¹⁵ Словоизменительную (=формообразующую) модель описания русского вида, связанную с идеями и работами С. И. Карцевского, Ю. С. Маслова, А. В. Исаченко (подробнее см. в [Горбова 2017: 26–27]), изредка можно встретить в университетских учебниках, например, в [Касевич 2011: 80–83].

- Бондарко, Буланин 1967 — А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. М.; Л.: Просвещение, 1967.
- ВАРГОС 2011 — Ю. Менде, Е. Борн-Раухенекер, Н. Брюгеман, Х. Дипонг, Ю. Кукла, Ф. Леман. Вид и акциональность русского глагола: Опыт словаря / Wörterbuch zu den Aspekten und Aktionsarten im Russischen. München; Berlin: Otto Sagner. 2011.
- Горбова (в печати) — Е. В. Горбова. Что такое вид русского глагола? (теоретические модели описания русского вида) (в печати).
- Горбова 2017 — Е. В. Горбова. Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 24–52.
- Горбова 2019 — Е. В. Горбова. Имперфективируемость русских приставочных перфективов (на примере *про-* и *у-*глаголов) // Вопросы языкознания. 2019. № 1. С. 58–74.
- Грамматика-70 — Н. Ю. Шведова (ред.). Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.
- Зализняк и др. 2015 — Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Зализняк, Микаэлян 2010 — Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян. О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка. Доклад на конференции «Диалог 2010». URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/21.htm> (дата обращения 11.07.2018).
- Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Касевич 2011 — В. Б. Касевич. Введение в языкознание. СПб.: Филологический ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та; М.: Академия, 2011.
- Маслов 2004 — Ю. С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004.
- Пазельская, Татевосов 2008 — А. Г. Пазельская, С. Г. Татевосов. Отглагольное имя и структура русского глагола // В. А. Плуноян, С. Г. Татевосов (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 348–380.
- Петрухина 2014 — Е. В. Петрухина. Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности // Scando-Slavica. 2014. Т. 60. Вып. 2. С. 253–274.
- Плуноян 2011a — В. А. Плуноян. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме) // Scando-Slavica. 2011. Т. 57. Вып. 2. С. 290–309.
- Плуноян 2011b — В. А. Плуноян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков

- мира. М.: Издательский центр «Российский гос. гуманитарный ун-т», 2011.
- Славкова 2017 — С. Славкова. Супралексический префикс *no-* в русском и болгарском языках // R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova (eds.). The role of prefixes in the formation of Aspectuality. Issues of grammaticalization. *Biblioteca di Studi Slavistici*. V. 39. Firenze: Firenze University Press, 2017. P. 197–218.
- Татевосов 2013а — С. Г. Татевосов. Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола) // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 42–89.
- Татевосов 2013б — С. Г. Татевосов. Деструктивные заметки о распределительном способе действия // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 30–51.
- Федотов, Чуйкова 2013 — М. Л. Федотов, О. Ю. Чуйкова. К определению аспектуального значения лимитатива и вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола // Е. И. Грехова (ред.). Из прошлого в будущее. Сб. статей и воспоминаний к 100-летию проф. Ю. С. Маслова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 153–203.
- Храковский 2015 — В. С. Храковский. Категория вида в русском языке: болевые точки // М. Китадзэ (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Киото: Танака принт, 2015. С. 321–334.
- Храковский 2018 — В. С. Храковский. И опять о болевых точках категории вида // Вопросы языкознания. 2018. № 1. С. 105–118.
- Шведова 2005 — Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 2005.
- Шевелева 2010 — М. Н. Шевелева. Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в летописях XII–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 200–242.
- Шевелева 2013 — М. Н. Шевелева. К истории восточнославянского суффикса имперфективации *-ыва-/-ива-* // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 3. С. 65–81.
- Шелякин 2006 — М. А. Шелякин. Способы действия в поле лимитативности // А. В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. 4-е изд. М.: КомКнига, 2006. С. 63–85.
- Шелякин 2008 — М. А. Шелякин. Категория аспектуальности русского глагола. М.: URSS; ЛКИ, 2008.
- Maslov 1959 — Iu. S. Maslov. Zur Entstehungsgeschichte des slavischen Verbalaspektes. *Zeitschrift für Slawistik*. 1959. Vol. 4 (4). S. 560–568.
- Spencer 2013 — A. Spencer. Lexical Relatedness. A Paradigm-based Model. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Источники

- МАС — А. И. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка в 4-х томах (Малый академический словарь). 2-е изд. М.: АН СССР, Ин-т русского языка, 1981–1984.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

References

- Bondarko 1976 — A. V. Bondarko. *Teoriya morfologicheskikh kategoriy* [A theory of morphological categories]. Leningrad: Nauka, 1976.
- Bondarko, Bulanin 1967 — A. V. Bondarko, L. L. Bulanin. *Russkiy glagol* [Russian verb]. Moscow; Leningrad: Prosveshchenie, 1967.
- Fedotov, Chuykova 2013 — M. L. Fedotov, O. Iu. Chuykova. *K opredeleniyu aspektualnogo znacheniya limitativa i voprosu ob osobennostyakh «delimitativnoy» derivatsii russkogo glagola* [On the definition of limitative aspectual meaning and on the features of “delimitative” verbs in Russian]. E. I. Grekhova (ed.). *Iz proshlogo v budushchee. Sbornik statey i vospominaniy k 100-letiyu prof. Yu. S. Maslova* [From past to future: A Collection of articles and memories in honour of the 100th anniversary of prof. Yu. S. Maslov]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2013. P. 153–203.
- Gorbova (in print) — E. V. Gorbova. *Chto takoe vid russkogo glagola? (teoreticheskie modeli opisaniya russkogo vida)* [What is Russian verb Aspect? (some theoretical models of Russian verb Aspect)]. (In Print).
- Gorbova 2017 — E. V. Gorbova. *Russkoe vidoobrazovanie: slovoizmenenie, slovoklassifikatsiya ili nabor kvazigrammem? (eshche raz o bolevykh tochках russkoy aspektologii)* [Aspectual formation of Russian verbs: inflection, derivation, or a set of quasigrammemes? (“sore points” of Russian aspectology revisited)]. *Voprosy yazykoznanija*. 2017. No. 1. P. 24–52.
- Gorbova 2019 — E. V. Gorbova. *Imperfektiviruemost russkikh pristavochnykh perfektivov (na primere pro- i u-glagolov)* [Imperfectivability of Russian prefixal perfectives (case of *pro-* and *u-*verbs)]. *Voprosy yazykoznanija*. 2019. No. 1. P. 58–74.
- Grammatika-70 — N. Yu. Shvedova (ed.). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [A Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow: Nauka, 1970.
- Kasevich 2011 — V. B. Kasevich. *Vvedenie v yazykoznanie* [An Introduction to Linguistics]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University; Moscow: Academia, 2011.
- Khrakovsky 2015 — V. S. Khrakovsky. *Kategoriya vida v russkom yazyke: bolevye tochki* [The category of Aspect in Russian: Problematic issues].

- M. Kitadjo (comp.). *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenerii diakhronicheskogo razvitiya* [Aspectual semantic zone: typology of systems and scenarios of the diachronic development]. Kyoto: Tanaka Print. P. 321–334.
- Khrakovsky 2018 — V. S. Khrakovsky. I opyat o bolevykh tochkakh kategorii vida [Aspect's "tender points" revisited once more]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2018. No. 1. P. 105–118.]
- Maslov 1959 — Iu. S. Maslov. Zur Entstehungsgeschichte des slavisches Verbalaspektes. *Zeitschrift für Slawistik*. 1959. Vol. 4 (4). S. 560–568.
- Maslov 2004 — Iu. S. Maslov. Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obsheee yazykoznanie [Selected writings. Aspectology. General Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2004.
- Pazelskaya, Tatevosov 2008 — A. G. Pazelskaya, S. G. Tatevosov. Otlagolnoe imya i struktura russkogo glagola [Verbal derived names and the structure of Russian verb]. V. A. Plungian, S. G. Tatevosov (eds.). *Issledovaniya po glagolnoy derivacii* [Issues of verbal derivation]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2008. P. 348–380.
- Petrukhina 2014 — E. V. Petrukhnina. Russkiy vid kak morfologicheskaya derivatsionnaya kategoriya v kontekste sovremennykh issledovaniy vidovoy korrelyativnosti [Russian Aspect as a Morphological Deivational Category in the Context of Modern Linguistics Studies of Aspectual Correlations]. *Scando-Slavica*. 2014. Vol. 60. Iss. 2. P. 253–274.
- Plungian 2011a — V. A. Plungian. Tipologicheskie aspekty slavyanskoy aspektologii (nekotorye dopolneniya k teme) [Typological aspects of Slavic Aspectology: some addenda]. *Scando-Slavica*. 2011. Vol. 57. Iss. 2. P. 290–309.
- Plungian 2011b — V. A. Plungian. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2011.
- Shelyakin 2006 — M. A. Shelyakin. Sposoby deystviya v pole limitativnosti [«Aktionsarten in the field of limitativity»]. A. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [The theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. 4th edition. Moscow: KomKniga. 2006. P. 63–85.
- Shelyakin 2008 — M. A. Shelyakin. Kategoriya aspektual'nosti russkogo glagola [The category of aspectuality of the Russian verb]. Moscow: URSS; LKI, 2008.
- Sheveleva 2010 — M. N. Sheveleva. Vtorichnye imperfektivy s suffiksom -yva/-iva- v letopisyakh XII–XVI vv. [Secondary imperfectives with the

- suffix *-yva-/-iva-* in XII–XVI century Russian chronicles]. *Russkiyi yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010. No. 2 (20). P. 200–242.
- Sheveleva 2013 — M. N. Sheveleva. K istorii vostochnoslavlyanskogo suffiksa imperfektivatsii *-yva-/-iva-* [On the History of the East Slavic *-yva-/-iva-* Suffix of Imperfectivization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series. 9. *Filologiya*. 2013. No. 3. P. 65–81.
- Shvedova 2005 — N. Iu. Shvedova (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 2005.
- Slavkova 2017 — S. Slavkova. Supraleksicheskiy prefix *po-* v russkom i bolgarskom yazykax [The superlexical prefix *po-* in Russian and Bulgarian]. R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova (eds.). *The role of prefixes in the formation of Aspectuality. Issues of grammaticalization*. Biblioteca di Studi Slavistici. Vol. 39. Firenze: Firenze University Press, 2017. P. 197–218.
- Spencer 2013 — A. Spencer. *Lexical Relatedness. A Paradigm-based Model*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Tatevosov 2013a — S. G. Tatevosov. Mnozhestvennaya prefiksatsiya i ee sledstviia (Zametki o fiziologii russkogo glagola) [Polyprefixation and its consequences (Notes on the physiology of the Russian verb)]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2013. No. 3. P. 42–89.
- Tatevosov 3013b — S. G. Tatevosov. Destruktivnye zametki o raspredelitelnom sposobe deistviya [Critical remarks on the distributive Aktionsart]. *Russkiyi yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2013. No. 2 (26). P. 30–51.]
- VARGOS 2011 — Ju. Mende, E. Born-Rauchenecker, N. Brüggemann, H. Dippong, J. Kukla, V. Lehmann. Vid i aktsionalnost russkogo glagola: Opyt slovarya / Wörterbuch zu den Aspekten und Aktionsarten in Russischen [Aspect and actionality of the Russian verb: an experimental dictionary]. München; Berlin: Otto Sagner, 2011.
- Zaliznyak et al. 2015 — Anna A. Zaliznyak, I. L. Mikaelian, A. D. Shmelev. *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary* [Russian aspectology: In defense of the aspectual pair]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.
- Zaliznyak, Mikaelian 2010 — Anna A. Zaliznyak, I. L. Mikaelian. O meste vidovykh troek v aspektualnoy sisteme russkogo yazyka. Doklad na konferentsii «Dialog 2010» [About the place of aspectual triples in the aspectual system of the Russian language. Report at the conference «Dialogue 2010»]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/21.htm> (accessed on 11.07.2018).
- Zaliznyak, Shmelev 2000 — Anna A. Zaliznyak, A. D. Shmelev. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to the Russian aspectology]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000.

Sources

MAS — A. I. Yevgeneva (ed.). Slovar russkogo yazyka v 4-kh tomakh [Dictionary of Russian in 4 vol.] (Malyi akademicheskiy slovar). 2nd edition. Moscow: AS USSR, Institute of Russian Language, 1981–1984.

NKRYa — Natsionalnyi korpus russkogo yazyka [The national corpus of Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed on 11.07.2018).